

Железнодорожный вокзал города Т.

Среди суетливой толпы неторопливо шёл импозантный джентльмен средних лет. Безупречно отутюженная рубашка, строгие брюки, аккуратная фетровая шляпа, скрывающая лицо, и кожаный портфель в руке — он выглядел чужаком среди пассажиров, уныло коротающих время на разноцветных плетёных баулах.

Купив билет на ближайший рейс, он не спешил к турникетам и не искал свободного места. Мужчина просто стоял, выпрямив спину, и осторожно оглядывался по сторонам.

Это был Пэй Чжисюнь.

Приехав на условленную встречу со старым другом, Пэй Чжисюнь отыскал в углу общественный телефон и укрылся за полупрозрачным пластиковым куполом кабинки.

Едва раздался звонок, он торопливо снял трубку.

Из динамика донёсся знакомый, глубокий и ровный голос:

— Здравствуй, брат. Сколько лет прошло... Как ты?

— Всё хорошо! А ты сам? Недавно слышал... — Пэй Чжисюнь крепко сжал трубку. Нахлынувшие чувства едва не перехватили горло. Он послушно смотрел прямо перед собой, не смея даже повернуть головы, чтобы случайно не выдать друга и не навлечь на него беду. — С тобой ведь всё в порядке?

— Всё отлично. Просто уехал на несколько дней, решил развеяться, глотнуть свежего воздуха. Не беспокойся обо мне.

— Эх, мы ведь так за тебя переживали... Мы все. У нас всё хорошо. Вся семья в полном порядке.

Пэй Чжисюнь намеренно выделил слово «вся», ведь речь шла о его сыновьях.

Голос на том конце провода мягко подсказал:

— Глянь-ка для меня, который сейчас час?

Пэй Чжисюнь поднял голову. В восточной части зала ожидания, прямо над декоративной колонной, висели большие вокзальные часы.

Но едва его взгляд коснулся циферблата, он замер. Дыхание перехватило. В тени за колонной стоял человек в форменной куртке вокзального служащего.

Обычная серая, потёртая рабочая одежда не могла скрыть его статную, подтянутую фигуру. На лицо были натянуты кепка и плотная защитная маска, но Пэй Чжисюнь мгновенно узнал старого друга. К горлу подкатил ком.

Два отца стояли на расстоянии, не делая ни шага навстречу друг другу. Они просто молча смотрели друг на друга сквозь пёструю толпу.

— Не волнуйся, — тихо произнёс Пэй Чжисюнь в трубку. — Мальчик в полном порядке.

Ли Ханьцзян тихо усмехнулся:

— Спасибо, брат. Теперь мне спокойно.

— Завтра у него день рождения, — поспешно добавил Пэй Чжисюнь. — Он обещал приехать на ужин, мы уже всё подготовили, хотим отпраздновать как следует. Ты...

Ли Ханьцзян кивнул:

— Передай ему от меня поздравления. Пусть будет счастлив.

— Он собирается прийти не один, а со своим избранником... Ну, со своим вторым дядей. Ты ведь понимаешь, о ком я? С господином Чжаном!

— Хм. Знаю такого.

Конечно, вокзальный зал ожидания — не лучшее место, чтобы двум почтенным отцам вполголоса сплетничать о личной жизни сыновей.

Но Пэй Чжисюнь, будучи человеком строгих правил, искренне считал, что в столь важном жизненном вопросе необходимо узнать мнение настоящего отца. Мы с супругой, думал он, не имеем права единолично решать такие вещи и попираť отцовскую волю... Да и если босс Чжан пожалует в наш скромный дом и начнёт выдвигать свои бесцеремонные требования...

В конце концов, этот Чжан зарился на их сокровище добрых десять лет! Весь город знал о его намерениях. Как нам его принимать? Соглашаться ли на его условия?

Ли Ханьцзян проявил удивительное великодушие:

— Это личные дела молодых, я тут не указ. Решайте сами, всей семьёй. Старина Пэй, он твой сын, так что не нужно спрашивать у меня разрешения.

Какая мелочь для человека масштаба Ли Ханьцзяна. Если бы он действительно был против, Чжан Шаочи давно бы словил случайную пулю где-нибудь в песках Северной Африки. Без суда и следствия, прямо на месте — и Пэй Чжисюнь даже не успел бы завести этот разговор.

— Не беспокойся, — растроганно прошептал Пэй Чжисюнь. — Мы сделаем всё возможное, чтобы позаботиться о нём.

Ли Ханьцзян негромко добавил:

— На границе сейчас неспокойно, старые враги снова мутят воду. А у парня характер взрывной, он легко поддаётся порывам... Удержите его, если сможете. Пусть во всём руководствуется разумом. Что бы он ни узнал, пусть не лезет на рожон.

— Понимаю. Всё понимаю!

— Твою доброту мне нечем отплатить. Спасибо тебе за всё.

Мимо них бурлил людской поток. Никто в этой суеде не обращал внимания на двух немолодых мужчин в разных концах зала, обменивающихся прощальными взглядами. Они доверяли друг другу самое сокровенное.

Ли Ханьцзян медленно отвернулся к стене. Не глядя на друга, он глубоко, трижды поклонился ему — безмолвно, выражая всю полноту своей благодарности.

Пэй Чжисюнь смахнул слезу, выступившую из-под очков, и тихо шепнул в опустевшую трубку:

— Иди. Скорее уходи...

Пэй Чжисюнь тайно съездил на вокзал, и даже проницательная госпожа Сюй осталась в неведении об этой секретной встрече.

Для своего ненаглядного старшего сына Сюй Цичан устроила роскошный семейный ужин. На торжество пригласили только самых близких, но размах и подготовка были поистине королевскими — любящая мать не терпела полумер и боялась хоть в чём-то обделить сына.

Через своих доверенных людей она арендовала у господина Яня двухпалубную яхту класса

люкс, на которой и решили устроить праздник в открытом море.

Судно пришвартовалось в глубоководной гавани. Всю ночь яхта сияла огнями, подобно величественному плавучему замку, покачивающемуся на тёмно-синих волнах...

Последние три дня Сюй Цичан совсем потеряла покой. Она не могла спать, ворочалась с боку на бок, а посреди ночи вставала, чтобы наложить косметическую маску. Однажды она знатно перепугала проснувшегося мужа.

— Да что с тобой такое? — недоумевал Пэй Чжисюнь. — Чего ты колобродишь среди ночи?

Сюй Цичан поделилась наболевшим:

— Как думаешь, у Чжан Шаочи хватит духу явиться? Я ведь когда-то приходила к нему в контору, мы тогда знатно разругались.

— У него-то? Да этот наглец чёрта лысого не побоится. Или ты собралась его поколотить?

— Ну не знаю... Помнишь, когда Яньян впервые знакомил нас с господином Чжуаном, тот струсил и вообще не пришёл на встречу? Динамо нам устроил!

Пэй Чжисюнь тихонько хмыкнул:

— У Чжуана тогда в семье кавардак творился, да и парень он скромный, постеснялся. А босс Чжан? Тёртый калач, воротила бизнеса, каких только акул он не видал! От такого за версту веет властью и суровостью, с чего бы ему робеть перед нами?

Вечером того же дня грозный гость предстал перед хозяевами.

Чжан Шаочи приехал сам, без тени страха или смущения. Он отказался от водителя и свиты секретарей, не желая устраивать дешёвое шоу, и лично сел за руль, нагрузив багажник щедрыми подарками.

Каждому зятю рано или поздно приходится предстать перед тещей. И пусть они знали друг друга больше двадцати лет, явиться на семейный ужин в новом качестве было непростым испытанием даже для такого циника.

Чжан Шаочи облачился в строгий чёрный костюм. Рубашку он выбирал с особой тщательностью, перебрав с десятков одинаковых белых сорочек из своего гардероба. В итоге остановился на строгой классической модели индивидуального пошива без единого логотипа. Никакой небрежности, но и никакого хвастовства — упаси боже дать Сюй Цичан повод для придирок.

На причале, где в тёмной воде дрожали отражения огней, гостей встречал второй молодой господин Пэй — в пляжных шортах в цветочек и бейсболке.

— Ого, братец, отлично выглядишь! — присвистнул Пэй Янь.

Пэй И, с безупречной укладкой и лёгкой стильной улыбкой, парировал:

— Уж точно получше тебя.

— Ой-ой-ой... — Пэй Янь зашагал следом, шлёпая сланцами, и косо глянул на Чжан Шаочи. — Братишка, ты всё-таки притащил с собой эту грозную опору и поддержку? Настоящий щит и меч! Ну, теперь я спокоен: сегодня ночью ты точно не приползёшь в мою постель, спасаясь от одиночества.

В ту же секунду Пэй Янь схлопотал лёгкий пинок под зад и чуть не улетел в воду.

Шедший следом Чжан Шаочи довольно хмыкнул:

— Мало получил. Надо было сильнее врезать.

Пэй Янь шутливо возмутился:

— Второй дядя, полегче на поворотах! Вы теперь должны со мной дружить и поменьше ругаться.

Босс Чжан лишь снисходительно улыбнулся и, приобняв Пэй И за талию, нежно поцеловал его в висок — прямо на глазах у младшего брата.

Столько лет он терпел, ведя жизнь праведника, и теперь наконец-то мог беззастенчиво демонстрировать свои чувства. Пэй Яню оставалось лишь завистливо вздыхать, глядя на то, как его обычно неприступный старший брат кротко лънёт к своему грозному избраннику.

Пэй И официально представил своего спутника родителям. Он крепко сжал ладонь Чжан Шаочи и увлёк его за собой:

— Мама, папа, знакомьтесь. Это мой жених.

Эта короткая фраза весила больше всех заготовленных речей. Чжан Шаочи планировал сперва напоить будущего тестя, а затем, когда тот размякнет, завести долгий душевный разговор и смиренно просить руки его сына. Но все эти сценарии оказались не нужны.

— Что ж, мальчик вырос, скоро тридцать... Поступай как знаешь, — тихонько проговорил Пэй Чжисюнь, пиная жену под столом, мол, хватит упрямиться, давай благословляй.

— Кому это тридцать? — шутливо возмутился Пэй И. — Папа, ты что-то путаешь, мне только двадцать девять!

— По восточному исчислению уже тридцать, — отмахнулся отец. — В этом возрасте пора остепениться, жить умом, заботиться друг о друге и не ревновать по пустякам.

Чжан Шаочи почтительно кивнул и поднял пиалу с чаем в знак согласия:

— Вы правы, отец.

Пэй И удивлённо уставился на него.

Чжан Шаочи в ответ лишь лукаво прищурился, будто говоря: «А ты как думал? Я всегда буду молодым и дерзким, а тебе пора взрослеть».

Сюй Цичан со вздохом смирения наполнила бокалы. Весь вечер она не отходила от старшего сына, обнимая его за плечи и без умолку давая напутствия. Раз уж дело решёное, нельзя позволить Чжан Шаочи обижать её мальчика.

— Ты проверил его активы? — шёпотом наставляла она сына. — Сколько у него компаний, недвижимости, антиквариата? Пользуясь служебным положением, пробей его счета. Пусть перепишет на тебя долю в бизнесе и все дома.

Пэй И уткнулся лицом в ладони, сгорая от смущения:

— Мама... Мне не нужны его миллионы и виллы. Мне нужен только он сам.

— Ой, знаем мы этих мужчин, — Сюй Цичан ласково взъерошила сыну волосы. — Чуть дашь слабинку — и поминай как звали. Особенно такие, у которых денег куры не клюют. Я ведь столько лет тебя растила, боюсь, он не убережёт моё сокровище.

— Пусть только попробует, — улыбнулся Пэй И.

— И со своими артистами пусть разберётся, — добавила мать вполне серьёзно. — Развёл в своей кинокомпании смазливых юнцов, смотреть противно! Пусть расторгнет со всеми контракты.

— О да, там такие лисы крутятся! — влез в разговор жующий Пэй Янь. — Я их всех знаю, могу

составить подробный список этих охотников за моим дорогим Вторым дядей.

Пэй И деловито кивнул:

— Вот и отлично. Либо он увольняет их всех, либо я лично поотрываю им хвосты.

Старшие Пэй чувствовали лёгкую грусть. За долгие годы семья впервые собралась вместе в такой тёплой атмосфере, обиды наконец растаяли, но это щемящее чувство праздника всё равно напоминало проводы невесты.

Ночевать все поехали в старый семейный особняк.

Говорят, глубокой ночью из спальни старшего сына доносились весьма недвусмысленные звуки, а кровать ходила ходуном так, словно в соседнем городе зафиксировали отголоски землетрясения.

На следующее утро привычка просыпаться на рассвете дала о себе знать, но Чжан Шаочи наотрез отказался подниматься.

Впервые в жизни он засыпал и просыпался в детской комнате своего возлюбленного. Нежиться в постели, обнимая его сильное, тёплое тело после бурной ночи — это было ни с чем не сравнимым удовольствием.

Он представлял себе юного Пэй И, спящего на этой самой кровати с невинной и манящей улыбкой... Пройдя сквозь годы разлуки и тоски, он наконец обрёл своё счастье. И теперь, обнимая спящего красавца, босс Чжан чувствовал себя на вершине блаженства и не желал покидать этот райский уголок.

Спустя пару часов Сюй Цичан всё же вызвала Чжан Шаочи на «серьёзный разговор». Они долго сидели в беседке на заднем дворе, укутанные прохладной утренней росой. Неизвестно, к какому соглашению они пришли насчёт свадебных подарков и долей в бизнесе, но лицо Чжан Шаочи так и светилось довольной улыбкой.

Первые лучи солнца щедро золотили письменный стол в кабинете Пэй Чжисюня.

Пэй И тихо проскользнул внутрь и запер за собой дверь. Его визит не был праздным любопытством. Отец и сын переглянулись, и обоим всё стало ясно без слов: старший сын приехал на этот семейный праздник ради одной-единственной цели.

— Папа, — негромко произнёс Пэй И, — расскажи мне всё.

Пэй Чжисюнь медленно снял очки и принялся тщательно протирать стёкла. Он молчал долго, словно пытаясь стереть накопившуюся за долгие годы пыль времени.

— Чужой наказ — дело святое, — наконец заговорил он тихим, надтреснутым голосом. — Мы растили тебя, как родного, видели, как ты мужаешь и каких высот добиваешься. Мы не предали доверие твоего отца.

— Я знаю, папа, и бесконечно благодарен вам. Ты всю жизнь прожил честным, чистым человеком, никогда не брал чужого, а порой и своё последнее отдавал... — Пэй И сделал шаг вперёд. — Но тот, кто доверил меня тебе... Он тоже был честным человеком?

Пэй Чжисюнь расправил плечи и твёрдо, без тени сомнения ответил:

— Твой отец — благороднейший человек.

— А моя мать?

Отец замялся, отводя взгляд:

— О ней я почти ничего не знаю, никогда не видел её лично... Я общался только с твоим отцом. Твоя мать, по всей видимости, ушла из жизни слишком рано.

— Как её звали? Кем она работала? Из нашего ведомства?

Пэй Чжисюнь отвернулся к столу и принялся перекладывать лежащие там книги:

— Я правда не знаю деталей... О таких вещах тебе лучше спросить у него самого при встрече.

В глазах Пэй И мелькнуло горькое разочарование. Эта горечь была сильнее возможной скорби по безвременно ушедшей матери. Рождённый в тайне, выросший без материнского тепла, он не чувствовал глубокой печали — лишь холодное, сосущее желание узнать правду.

Выходит, он действительно чужой на этой земле. Никакого отношения к великому роду сицилийского магната он не имел. А все секретные архивы указывали лишь на то, что у Ли Ханьцзяна была лишь одна помолвка в жизни, без брака и детей. Он, Пэй И, казался случайной ошибкой в идеальном алгоритме спецслужб.

— Значит, я просто бастард, — с горькой усмешкой произнёс он.

— Нет! Твой отец любил тебя больше жизни! — горячо возразил Пэй Чжисюнь.

— Любил и потому отдал чужим людям? У вас ведь и своих сыновей хватало.

— Именно потому, что любил, и отдал, — кивнул старик. — Чтобы спасти тебя, чтобы дать тебе будущее.

— Я ведь видел его старые фотографии, — покачал головой Пэй И, обнажая застарелую детскую обиду. — Я совсем не похож на Ли Ханьцзяна. Но я не похож и на вашу семью. Я нигде не свой. Чужак без роду и племени.

— Это не так! Ты удивительно похож на своих родителей... — взволнованно воскликнул Пэй Чжисюнь и тут же прикусил язык. Поняв, что сболтнул лишнее, он поспешно уткнулся в свои очки, продолжая тереть их до скрипа.

Старик заходил по маленькому кабинету. Комната была крошечной, всего-то десять квадратных метров, и он метался из угла в угол, словно запертый в клетке зверь. Наконец он придвинул стул, взобрался на него и начал шарить рукой на самой верхней полке книжного шкафа.

Видимо, тайник был сделан так давно, что старик сам едва помнил, где лежит заветный пакет.

Пэй И порывисто шагнул к нему, в его глазах читались страх и надежда:

— Папа, давай я помогу! Что там?

Пыльный конверт из плотной крафтовой бумаги сорвался с полки и с глухим стуком упал на пол, отозвавшись эхом в сердцах обоих мужчин. Пэй И лихорадочно наклонился, поднял его, и из конверта на его ладонь выскользнули несколько старых чёрно-белых снимков. Его детские карточки?

Но едва он всмотрелся в изображение, земля ушла у него из-под ног. Пэй И пошатнулся и опёрся плечом о книжный шкаф. Старое дерево затрещало, по комнате разнёсся глухой гул от падающих книг, а в золотых лучах солнца заплясали пылинки.

На пожелтевшем снимке была студенческая фотография из личного дела и общий снимок выпускников Яньчэнского университета.

Рядом с молодым Пэй Чжисюнем — скромным, близоруким юношей с робкой улыбкой — стоял потрясающе красивый, обаятельный парень. Он весело смотрел в объектив, и в его глазах с лёгким прищуром читалась та самая дерзкая, пленительная искра, которая была визитной карточкой самого Пэй И.

Но этого просто не могло быть. Это был не он.

Словно протянув руку сквозь десятилетия ушедшей эпохи, Пэй И коснулся пальцами этой тёплой, родной и в то же время незнакомой физиономии. Сходство было пугающим. Он словно смотрел в зеркало времени. Ощущение было настолько жутким и щемящим, что сердце пропустило удар.

— Как... как такое возможно? — прошептал он, теряя дар речи.

Пэй Чжисюнь указал дрожащим пальцем на весёлого красавца на снимке:

— Это твой отец в день выпуска. В детстве ты не был так похож на него, но с годами... Ты вырос его точной копией. Вы словно отлиты в одной форме.

И тут пелена спала с глаз Пэй И.

Он понял всё.

Все эти годы он вёл себя как капризный, обиженный ребёнок, упрямо кружа по узкому жизненному кругу, утопая в жалости к себе и проклиная родителей за предательство.

Его юность прошла на глухом, одиноком острове невысказанной обиды. Он бунтовал, пускался во все тяжкие, бежал от ответственности и даже бросил любимого человека у алтаря — и всё из-за этой разъедающей душу пустоты внутри.

Ему казалось, что он никому не нужен, что настоящей любви не существует, а близкие предали его, едва он появился на свет.

Его память была стёрта, разум перекроен, чувства притуплены. Он жил как заводной механизм, послушно крутящий тяжёлое колесо чужой воли, не понимая, ради чего топчет землю.

А его настоящий отец, Ли Ханьцзян, совершил величайшую жертву — он стёр собственное лицо.

— Твой отец слишком долго работал под прикрытием, — тихо объяснил Пэй Чжисюнь. — Он жил в постоянном страхе за твою жизнь, не доверял никому вокруг. Он безумно хотел быть рядом, обнять тебя, но понимал, что его прошлое убьёт тебя. И чтобы уберечь тебя от этой тени, он решился на безумный шаг...

Пэй И беззвучно плакал, плечи его мелко дрожали.

Нет, всё было гораздо глубже.

Ли Ханьцзян начал менять свою внешность больше десяти лет назад. Как только он заметил, что подрастающий сын становится точной копией его самого в молодости, в его голове созрел страшный и величественный план.

«Мальчик не должен страдать. Он должен жить со своим лицом, открыто и честно. А я... я могу отказаться от прежнего облика. Мне это лицо больше не нужно».

В частной клинике на восточном побережье США неизвестный пациент сбросил дорогой костюм, облачился в простой больничный халат и лёг под нож хирурга, чтобы навсегда стереть свою природную красоту.

Операции шли годами, медленно и мучительно. Разумеется, руководство Шестого отдела — Чу Сюнь, Генерал Хо, Чэнь Хуань и Лянь Наньюй — знали об этом, но свято хранили тайну, оберегая покой своего лучшего агента.

Американский пластический хирург долго не мог понять причуду богатого клиента:

— Сэр, зачем вам это? С вашим лицом можно сразу покорять Голливуд, зачем портить такую красоту? Какой образ вы хотите получить?

Ли Ханьцзян помолчал немного, а затем вытащил из кармана старую, помятую фотографию двадцатилетнего Чжан Шаочи, только-только вернувшегося из армии.

— Сделайте мне лицо вот этого наглого мерзавца, — спокойно произнёс он.

На снимке молодой Чжан Шаочи сидел верхом на крутом спортивном байке. Он чуть сдвинул солнцезащитные очки, и на его губах играла та самая дерзкая, свободная улыбка человека, плюющего на условности мира.

Этот снимок был сделан скрытой камерой, когда Чжан приезжал забирать своего племянника из школы.

Медсёстры в клинике восхищённо разглядывали фото:

— Ого, какой харизматичный мужчина! Он актёр?

— Нет, — мягко улыбнулся Ли Ханьцзян. — Это человек, которого безумно, до беспамятства любит мой сын. Мой глупый мальчик без ума от такого типажа... Если я стану похож на него, то когда-нибудь, когда мы встретимся, он хотя бы не станет меня избегать.

<http://bllate.org/book/19434/1999060>